

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
В46

Sophie de Villenoisy
JOYEUX SUICIDE ET BONNE ANNÉE

Серия «Вкус к жизни»

Печатается с разрешения Editions Denoël
при содействии Lester Literary Agency

Перевод с французского *Марии Заславской*
Оформление обложки *Яны Половцевой*

Вильнуази Софи, де.

В46   Как я решила умереть от счастья : [роман] / Софи де Вильнуази ; [пер. с фр. М. Заславской]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Вкус к жизни).

ISBN 978-5-17-099265-2

Сильви Шабер — плоская сутулая брюнетка, которая не настолько уродлива, чтоб ее жалели, и не настолько хороша, чтоб ее желали. Полностью отчаявшись к сорока пяти годам устроить личную жизнь, она решила прикупить себе место на кладбище. Но раз умирать, так с музыкой — перед смертью надо с кем-то об этом поговорить, и Сильви отправляется на прием к психотерапевту Франку. С тех пор ее планы идут наперекосяк: вместо того чтобы сидеть и плакать в одиночестве, женщина, выполняя задания психотерапевта, попадает в комичные ситуации, которые меняют ее взгляд на жизнь и вселяют веру в светлое будущее.

Искрометный трогательный роман о том, как безбашенные поступки напрочь срывают «крышу»... в лучшую сторону!

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-099265-2

© Editions Denoël, 2016
© Заславская М., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается...

Матье, он знает.
Ангюсу и Шин, нашим сокровищам,
Валери, которая не узнает себя здесь,
Мари, моей лучшей больщице,
которая поддерживает меня во всем.
Эрве, моему пропавшему брату,
который всегда со мной.
И наконец Татьяне де Ронэ, доброй фее этой книги.

И еще незнакомцу с набережной Сены, без которого
я никогда бы не решилась броситься в воду.
Спасибо ему.

1

Папа умер ранним утром. Лишь только звонил телефон, я сразу поняла, что это из больницы, и взять трубку не смогла. А зачем? И так ясно было, что они мне скажут: «Ваш отец скончался сегодня, он умер без мучений». Вот я и сирота. Впрочем, сорокапятилетних сирот никому особенно не жалко. Мне так же одиноко, как и юным сироткам, но их могут удочерить, а меня в сорок пять — вряд ли. Я просроченный товар. Вышел мой срок заводить детей, да и мужчину заводить, пожалуй, поздно.

Если бы пришлось сменить статус в Фейсбуке, написала бы, что я отныне ничья дочь. Да вдобавок ничья жена и мать. Я — просто я. Но кто же я такая?

Кто ты, Сильви Шабер?

Эмоциональная дамочка, это уж точно. В похоронном бюро я была, прямо скажем, не на высоте. Все время плакала, лепетала что-то, пускала носом пузыри. Господин агент, такой важный в своих очочках и подобающе темном костюме, наблюдал за мной с непроницаемым выражением лица. У него-то как раз удачный день: для начала мне пришлось купить новый участок на кладбище, потому что в маминной могиле места нет, а потом я вдруг ему заявляю:

— Куплю-ка заодно еще один, для себя.

Вот тут его профессиональная маска дает легкую трещину.

— Не смотрите вы так, — говорю. — У меня нет ни мужа, ни детей, я совсем одна. Некому будет позаботиться о моем загробном благополучии.

— К чему такие мысли, мадемуазель, вы еще молоды, а жизнь полна сюрпризов!

— Да бросьте, — отвечаю я, сморкаясь, — если мне не удалось выскочить замуж в двадцать

КАК Я РЕШИЛА УМЕРЕТЬ ОТ СЧАСТЬЯ

лет, в сорок пять или шестьдесят и подавно не светит.

Молчит. А молчание — знак согласия.

Достаю чековую книжку. Таких дорогих подарков я себе, любимой, еще не делала. Одни балуют себя украшениями, сеансами талассотерапии или круизами, а другие — могилками. Самый что ни на есть персональный подарок, жаль, нельзя его красиво завернуть.

Вышла я оттуда разбитая, потерянная и обещанная почти на четыре тысячи евро! Зато приобрела уютное жилье глубиной в шесть футов, с чудесным видом на земляных червей. Лучше бы отправилась в круиз до Коста-Бравы и, если бы очень повезло, утонула где-нибудь в Сицилийском море. В этом хоть был бы своеобразный шик. Но мне не везет, и шикавать я не умею.

Даже с виду я — ни то ни се. Из зеркала на меня глядит настоящая швабра с копной сухих черных волос. И этих волос у меня столько, что даже онкология с ними бы не справилась. Я ухитрилась родиться плоской сутулой брюнеткой

в наш век, когда мужчины любят пышных блондинок. Я проклята. Обречена на всеобщее безразличие. Не настолько уродлива, чтоб меня жалели, и не настолько хороша, чтоб меня желали. Я безлика, тускла, незаметна, страшновата и серовата — короче, ни один пенис не встанет на меня.

Все болит, я разбита и смята, как велик, угодивший под колеса мусоровоза. Меня порядком вымотали эти несколько недель, проведенные между работой и больницей, между моим серым ковром и стерильным линолеумом. Но теперь все позади, папы нет, и я могу, как говорят друзья, вернуться к нормальной жизни. Назад, к моим сладостным вечерам у телевизора! Суши, потом суп или тушеное мясо, потом йогурт, и спать!

Ну, что еще рассказать о себе? Я неплохо исполнила роль самоотверженной дочери у постели больного папы. Был какой-то смысл в моей жизни — пусть жалкой, но не лишенной приятного «любования». Я целиком посвятила себя отцу. Все вокруг волновались, не слишком ли я

КАК Я РЕШИЛА УМЕРЕТЬ ОТ СЧАСТЬЯ

устала: «Ты отдыхаешь хоть иногда? Побереги себя, так нельзя, ты совсем в отце растворилась!»»

Теперь я поблекшая одиночка на пороге климакса, и мне больше некому себя посвящать. И никто не спросит: «Ты занимаешься сексом хоть иногда? Без этого нельзя, ты совсем в себе замкнулась!»»

Какая же я одинокая! Одинокая, никем не понятая. И убогая.

— Завела бы собаку, — предложила мне Вероник. — Ты ее полюбишь, и вообще, рядом будет кто-то живой.

А почему не крысу? Я непременно ее полюблю, живая же. Таким, как я, любая живность будет отличной компанией.

— Или, может, ребеночка усыновишь? Какого-нибудь из Африки. Больных СПИДом теперь отдают даже незамужним. Появятся новые заботы, это тебя отвлечет...

— И опять же, кто-то живой рядом, да? — подхватила я. Она не уловила сарказма.

Вероник как никто умеет меня утешить. При всей моей любви к ней достаточно мне провести в ее обществе несколько часов и уже хочется прыгнуть под поезд. Что на самом деле не такая нелепая мысль. Она все чаще приходит мне в голову и гнездится там, в уголке, словно маленькая грелка — теплая и ободряющая. Конечно, я не испытываю безумного желания броситься на рельсы в метро, этот путь не для трусих и неженков вроде меня. К тому же с моим-то везением я могу уцелеть и под поездом! Разве что останусь без ног и поползу по жизни дальше. Я просто не умею добиваться своего.

Зато проглотить снотворного побольше и улечься в кровать... почему бы и нет? Очень заманчиво.

Порой мне кажется, что я уже умерла. Внутри пустота. Тело шевелится, сердце бьется, а душа улетучилась. Как будто я выключила лампу или выбило пробки — и свет в глазах потух. Рак-отшельник покинул свою раковину. Чем притворяются живой, лучше и не жить. Узнав, что мне

КАК Я РЕШИЛА УМЕРЕТЬ ОТ СЧАСТЬЯ

в наследство досталось пятьсот тысяч евро, я не испытала абсолютно ничего. Впрочем, нет, не совсем так. Мне стало еще тяжелее. Куча денег копилась на протяжении целой жизни, но какая это была жизнь? Мои родители могли быть счастливы, могли путешествовать, ездить в отпуск на море или в пустыню, в Китай, в Монголию, в Тунис и в Хорватию, кататься на воздушном шаре, на верблюде или на лыжах. Могли смаковать деликатесы, купаться в цветах, проводить выходные на природе или вдруг срываться из дома в воскресенье, потому что захотелось им на солнышке пообедать мидиями в сливочном соусе. Но папа вместо этого экономил, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом. Как каторжане подсыпают по кучке камней в свою гору булыжников, так копил деньги мой отец. Что сказать — мне от этого просто дурно. Нет никакого желания ни тратить деньги, ни даже радоваться им. Говорят, деньги не пахнут, но это неправда. От папиных денег несет плесенью. Затхлый и грустный запах. Он не будит

Софи де Вильнуази

мечты, не приносит никакой надежды. Возможно, Вероник права и мне стоит сходить к психоаналитику. Вот она обрадуется! Ну, или, по крайней мере, перестанет присылать мне объявления с фотографиями брошенных собак, все худее и плешивее с каждым разом. Можно подумать, я намного счастливее их.

2

Я просыпаюсь. На дворе чудесный октябрьский денек. Разумеется, это воскресенье будет таким же одиноким, как и остальные. Почти все вокруг страдают от так называемой «воскресной хандры»: им жаль, что выходные кончаются, им охота понежиться подольше, как цыплятам в скорлупе, им не хватило веселого смеха, семейных прогулок, объятий под одеялом и посиделок с друзьями. А я жду не дождусь понедельника, чтобы выплыть из этой глухой тишины. Но нынче такая хорошая погода и так редки в Париже солнечные дни, что я не могу сдержать улыбку. И даже решаюсь выйти подышать воздухом. Погуляю немного по набережным, а то и в кино